

Таракан / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 23 января, 2025

Таракан / рассказ ТАРАКАН

Ах, до чего замечательный город Москва! Знаменитый город! И сапоги знаменитые!

Эти знаменитые сапоги находились под мышкой у Василия Рогова. А сам Василий Рогов находился при начале Новинского бульвара, у выхода со Смоленского рынка. День был серый, с небом, похожим на портянку, и даже очень легко моросило. Но никакой серости не остановить смоленского воскресенья! От Арбата до Новинского стоял табор с шатрами. Восемь гармоний остались в тылу у Василия Рогова, и эти гармонии играли разное, отравляя душу веселой тоской. От Арбата до первых чахнувших деревьев в три стены стоял народ и торговал вразвал чем ни попало: и Львом Толстым, босым и лысым, и гуталином, и яблоками, штанами в полоску, квасом и Севастопольской обороной, черной смородиной и коврами.

Если у кого деньги, тот чувствует себя, как рыба в море, на Смоленском рынке. Искупался Василий Рогов в океане и поплыл с сапогами и финским ножом. Сапоги – это понятно. Сапоги давно нужно было купить, ну, а финский нож к чему? Купился он сам собой как-то.

Когда Рогов отсчитал два червя за сапоги в палатке, вырос из-под земли человек с кривым глазом и почему-то в генеральской шинели и заметил гнусаво:

– Сапоги купили, папаша! Отличные сапоги. Ну а такой финский нож вы видали?

И тот сверкнул перед Роговым убийственной сталью.

– Не нужно, – сказал Рогов, уминая под мышку сапоги.

– Шесть рублей финка стоит, – сообщил человек, – а я отдаю за четыре и только по случаю ликвидации лавки.

– Никакой у тебя лавки нет, – возразил с презрением Рогов и подумал: «Сколько этих жуликов на Смоленском! Ах, боже мой!»

– Таким ножом, если махнуть человека под ребро, – сладостно

заговорил человек, пробуя пальцем коварное лезвие, – то любого можно резать.

– Ты смотри, тут и милиционеры есть, – ответил Рогов, пробираясь в чаще спин.

– Берите ножик, отец, за три с полтиной, – гнусавил человек, и дыхание его коснулось крутой шеи Василия Рогова, получившего неизвестно за что в пекарне обидное прозвище Таракан. – Вы говорите цену, папаша! На Смоленском молчать не полагается.

В это время гармония запела марш и весь рынок залила буйною тоской.

– Рубль! – сказал, хихикнув, Таракан, чувствуя счастье благодаря сапогам.

– Берите! – крикнул человечешко и нож всунул в голенище новых Таракановых сапог.

И сам не зная как, Таракан выжал из-за пазухи кошелёк, крепко зажал меж пальцами левой руки пять червонцев, – примеры всякие бывают на Смоленском рынке! – а правой выдернул желтый рубль.

Таким образом наградили Таракана финкой. Видимо, караулила пекаря беда.

Страшно расстроен был Таракан вследствие покупки ненужной вещи. «Что я, в самом деле, людей, что ли, резать им буду?» Поэтому пришлось Таракану зайти в пивную. Выпив две бутылки пива, Таракан почувствовал, что ножик не так уж не нужен. «Молодецкая вещь – финка», – подумал пекарь и вышел на Новинский бульвар.

До чего здесь было оживленно! Фотограф снимал на фоне экрана, изображающего Кремль над густой и синей Москва-рекой, девицу с розой в волосах. Стоял человек с трахомой и пел тоскливо и страшно. Китаец вертел погремушкой, и шел народ и назад, и вперед. И тут услышал Таракан необыкновенный голос, всем заявляющий громко и отчетливо:

– У меня денег воз – дядя из Японии привез. А потом голос так сказал:

– А сам не кручу, не верчу, только денежки плачу.

И действительно, сам он не крутил. Деревянный восьмигранный волчок крутил тот, кто ставил. А ставить можно было на любой из восьми номеров. А номер на доске, а доска на обыкновенном

ящике, а полукружием вокруг ящика мужчины.

– Игра, – заметил голос, – без обману и шансов. Каждый может выиграть жене на печенку, себе на самогонку. Детишкам на молочишко.

Как родной голос совсем звучал. Как дома. Потная молодая личность в кепке все ставила по три копейки на 8-й номер, а он все не выпадал. А потом как выпал, – выдал голос кепке пятиалтынный. Кепка потной рукой поставила пяточок и – хлоп – 8! Двадцать пять копеек. Он – гривенник (кепка) – 8! Чудеса – подряд. Полтинник. Голосу хоть бы что, хоть дрогнул – платит и платит. Кепка опять гривенник на 8-й, только он уже не выпал. Нельзя же вечно!

Еще кто-то три копейки поставил на 2-й номер. А на волчке вышло 3.

– Эх, рядом надо было! – сказал кто-то.

– Не угадаешь.

Таракан уже был у самого ящика. Финку переложил из голенища за пазуху к кошелю для верности – все бывало на Новинском бульваре!

Кепка поставила гривенник на 7-й, выпал 7-й. Опять полтинник.

– За гривенник – даю полтинник, а за двугривенный – рубль! – равнодушно всех оповестил голос.

Таракан молодецки усмехнулся, бодрый от пива, и смеху ради поставил на 3-й номер три копейки, но вышел 5-й.

– Чем дальше играешь, тем игра веселей! – голос сказал.

Таракан пяточок мелкой медью поставил на 4-й номер и угадал. Голос выдал Таракану четвертак.

– Ишь ты! – шепнули в полукружии.

Таракан как-то удивился, сконфузился и гривенник бросил на 8-й. Теперь сердце в нем екнуло, пока волчок, качаясь, кривлялся на доске. И упало холодно. Не упал 8-й, а 1-й вместо него. Жаль стало почему-то гривенника. «Эх, не нужно было ставить, забрал бы четвертак и ушел. А тут казись!»

Через четверть часа полукружие стало плотнее, гуще в два ряда. И все отшились, до того всех размахом забил Таракан. Теперь Таракан ничего не видел вокруг, только лепешки без глаз вместо лиц. Но лицо голоса видел отлично – на лице, словно постным

маслом вымазанном, бритом с прыщом на скуле, были агатовые прехолодные глаза. Спокоен был голос, как лед. А Таракан оплывал. Не узнала бы Таракана родная мать. Постарел, углы губ обвисли, кожа на лице стала серая и нечистая, а водянистые глаза зашли к небу.

Таракан доигрывал пятый, последний червонец. Серый червонец, вылежавшийся за пазухой. Таракан вынул, и владелец ящика его разменял так: рваный рубль, новый рубль, зеленая трешка и тоненькая, как папиросная бумажка, выдавшая виды пятерка. Таракан поставил рубль, еще рубль, не взял. «Что ж это я по рублю да по рублю?» – вдруг подумал и почувствовал, что падает в бездну. Трешку! И трешка не помогла. Тогда Таракан шлепнул пятерку, и все мимо поплыло по Новинскому бульвару, когда лапа голоса, похожая на воронью, махнула пятерку с доски. Никто не шелохнулся вокруг, весь мир был равнодушен к злостной Таракановой судьбе. Владелец же ящика вдруг снял доску, взял ее под одну мышку, а ящик под другую – и в сторону.

– Пстой! – хрипло молвил Таракан и придержал голос за рукав.

– Погоди-ка!

– Чего годить-то? – ответил голос. – Ставок больше нет. Домой пора.

– Еще сыграю, – чужим голосом заметил Таракан, вынул сапоги и сразу в тумане нашел покупателя.

– Купи сапоги, – сказал он и увидел, что продает сапоги той кепке, что первая начала игру. Кепка презрительно оттопырила губу, и тут поразился Таракан тому, что у кепки было такое же масляное лицо, как и у голоса.

– Сколько? – спросила кепка, постукивая по подошве расщепленным больным ногтем.

– Двадцать! – вымолвил Таракан.

– 12, – нехотя сказала кепка и повернулась уходить.

– Давай, давай! – отчаянно попросил Таракан.

Кепка, свистя через губу, крайне вяло вынула из кармана стального френча червь и два рубля и дала их Таракану. Ящик вернулся на место и легче немного стало Таракану. Он проиграл по рублю пять раз подряд. На счастливый 3-й номер поставил рубль и получил пять. Тут испуг червем обвил сердце Таракана.

«Когда же я отыграюсь?» – подумал он и поставил пять на 6-й.

– Запарился парень! – далеко заметил кто-то.

Через минуту чисто было перед Тараканом. Ящик уплыл, доска уплыла, и люди разошлись. Бульвар жил, равнодушный к Таракану, китаец стрекотал погремушкой, а вдали переливались свистки – пора рынок кончать.

Воспаленными глазами окинул Таракан бульвар и ныряющий волчьей походкой догнал кепку, уносившую сапоги. Пошел рядом, кепка покосилась и хотела свернуть вон с бульвара.

– Нет, ты так не уходи! – не узнав своего голоса, молвил Таракан. – Как же это так?

– Чего тебе надо? – спросила кепка, и трусливо забежали его глаза.

– Ты какой же червонец мне дал за сапоги? А? Отвечай!

Свет отчаяния вдруг озарил Тараканову голову, и он все понял. На червонце было чернильное пятно. Знакомое Таракану. Вчера это пятно на червонце получил Таракан в жаловании в пекарне. Он голосу проиграл этот червонец, как же он оказался у этого, кем звалась кепка, и Таракан понял, что она, кепка, заодно с голосом. Значит, червонец голос передал кепке? Не иначе.

– Отойди от меня, пьяница! – сурово сказала кепка.

– Я пьяница? – голос Таракана стал высок и тонок. – Я-то не пьяница. А вы сообщники. Злодеи! – выкрикнул Таракан.

Прохожие брызнули в стороны.

– Я тебя не знаю! – неприязненно отозвалась кепка, и Таракан понял, что она ищет лаз в газоне.

Таракан вдруг заплакал навзрыд.

– Погубили меня, – содрогаясь, говорил он, – убили человека. Деньги профсоюзные... Мне их сдавать в кассу. Под суд идти! – Весь мир заволкло слезами, и кепка смягчилась.

– Что ты, голубчик? – задушевно заговорила она. – Я сам, голубчик мой, проигрался. Сам лишился всего. Ты иди, prospись.

– Сапог мне не жалко, – мучаясь выговорил Таракан, – а пятьдесят не мои. Делегат я. Сироту погубили. Жулики! – внезапно тоненько закричал Таракан. Кепка нахмурилась.

– Пошел ты от меня к чертовой матери! – рассердилась она лицом, а глаза по-прежнему бегали. – Я тебя в первый раз в

жизни вижу.

– Верни этого с ящиком! – не помня себя, бормотал Таракан, наступая на кепку. – Подай мне его сейчас! А то я вас власти отдам! Куда же это милиция смотрит? – в ужасе спросил Таракан у любопытной старушечьей мордочки в платке.

Наложила на себя мордочка крестное знамение и мгновенно провалилась в газон. Мальчишки засвистели кругом, как соловьи.

– А ты дай ему, дай, что долго разговаривать! – посоветовал чей-то гнилой голос.

Кепкины глаза теперь ходуном ходили, вертелись, как мыши.

– Отцепись от меня, падаль! – сквозь зубы просвистела кепочка.

– Никакого я ящика не видел.

– Врешь! Мошенник! Я вас насквозь вижу! – рыдающим голосом воскликнул Таракан. – Мои сапоги за мой же червонец купил!

– Что на них, свои клейма, что ли? – спросила кепочка и косо подалась в сторону. – Я их купил совсем у другого человека, высокого роста с бельмом, а ты маленький – Т-таракан! Обознался, гражданин! – сладко заметила кепочка, улыбаясь любопытным зрителям одними постными щеками. – А теперь мне голову морочит. Ну, отойди, зараза! – вдруг фыркнула она кошачьим голосом и, как кошка, пошла – легко, легко. Клеш замотался над тупоносими башмаками.

– Говорю, лучше остановись! – глухо бубнил Таракан, цепляясь за рукав. – Предаю тебя ответственности! Люди добрые...

– Эх, надоел! – сверкнув глазами, крикнула кепочка и сухим локтем ударила Таракана в грудь.

Воздуху Таракану не хватило. «Погибаю я, делегат злосчастный, – подумал он. – Уходит... злодей...»

– Ты остановишься? – белыми губами прошептал Таракан и поймал кошачий зрачок отчаянным своим глазом. В зрачке у кепки была уверенность, решимость, не боялась кепка коричневого малого Таракана. Вот сейчас вертушка-турникет, и улизнет кепочка с Новинского!

– Стой, стой, разбойник! – сипел Таракан, закручивая двумя пальцами левой руки скользкий рукав. Кепка молча летела к турникету. – Милиция-то где же? – задыхаясь шепнул Таракан.

Таракан увидел мир в красном освещении. Таракан вынул финку и

в неизбыточной злобе легко ударил ее кепку в левый бок. Сапоги выпали из кепкиных рук на газон. Кепка завернулась набок, и Таракан увидел ее лицо. На нем теперь не было и признаков масла, оно мгновенно высохло, похорошело, и мышинные глазки превратились в огромные черные сливы. Пена клоком вылезла изо рта. Кепка, хрипнув, возвела руки к небу и качнулась на Таракана.

– Ты драться?.. – спросил Таракан, отлично видя, что кепка драться не может, что не до драки кепке, не до сапог, ни до чего! – Драться?.. Ограбил и драться? – Таракан наотмашь кольнул кепку в горло, и пузыри выскочили розового цвета на бледных губах. Экстаз и упоение заволокли Таракана. Он полоснул кепку по лицу, и еще раз, когда кепка падала на траву, чиркнул по животу. Кепка легла в зеленую но-винскую траву и заляпала ее пятнами крови. «Финка – знаменитая... вроде как у курицы, кровь человечья», – подумал Таракан.

Бульвар завизжал, заревел, и тысячные, как показалось, толпы запрыгали, заухали вокруг Таракана.

«Погиб я, делегат жалкий, – помыслил Таракан, – черная моя судьба. Кто ж это мне, дьявол, ножик продал и зачем?»

Он швырнул финку на траву, прислушался, как кепка, вся в пузырях и крови, давится и умирает. Таракану стало жалко кепку и почему-то того жулика с ящиком... «Понятное дело... он на хлеб себе зарабатывает... Правда, жулик... но ведь каждый крутится, как волчок...»

– Не бейте меня, граждане, – тихо попросил пропащий Таракан, боли от удара не почувствовал, а только догадавшись по затемненному свету, что ударили по лицу, – не бейте, товарищи! Делегат я месткома пекарни № 13... Ох, не бейте. Профсоюзные деньги проиграл, жизнь загубил свою. Не бейте, а вяжите! – молвил Таракан, руками закрывая голову.

Над головой Таракана пронзительно, как волчки, сверлили свистки.

«Ишь, сколько милиции... Чрезвычайно много набежало, – думал Таракан, отдаваясь на волю чужим рукам, – раньше б ей надо было быть. А теперь все равно...»

– Пускай бьют, товарищ милицейский, – глотая кровь из

раздавленного носа, равнодушно сказал Таракан, понимая только одно, что его влекут сквозь животы, что ноги его топчут, но уже по голове не бьют. – Мне это все равно. Я неожиданно человека зарезал вследствие покупки финского ножа.

«Как в аду, суматоха, – подумал Таракан, – а голос распорядительный...»

Голос распорядительный, грозный и слышный до Кудринских, ревел:

– Извозчик, я тебе покажу – отъезжать! Мерзавец... В отделение!!!

Середина 1920-х гг.

Михаил БУЛГАКОВ. Некаýalar